

— Пустяки, — Линь Суе одарил Чэнь Сяня беззаботной улыбкой. — Никто важный.

В ушах Хо Хэна зашумело, а перед глазами поплыли темные пятна — кровь с силой хлынула к лицу. «Никто важный», значит? Он издал короткий, исполненный мрачной ярости смешок.

Чэнь Сянь, едва дыша в воцарившейся мертвой тишине, вытянул шею. Судя по выражению лица вошедшего, на «пустяки» это походило меньше всего. В голове певца уже вовсю рисовались картины классической мелодрамы о любви, переросшей в ненависть. Фантазия Чэнь Сяня разыгралась не на шутку, и в мыслях всплывали всё более возвышенные и трагические эпитеты.

Хо Хэн ледяным взглядом обвел присутствующих. Лишь когда он посмотрел на Линь Суе, в его глазах промелькнула отчетливая, ничем не прикрытая ненависть.

— Никто важный? — выдавил он сквозь зубы.

На губах Шэнь Хуэйцы заиграла издевательская усмешка:

— Кажется, смысл этих слов предельно ясен, не так ли?

— А тебя вообще кто спрашивал?! — Хо Хэн окончательно терял самообладание. Он в упор смотрел на Линь Суе, который за всё это время даже головы не поднял.

Шэнь Хуэйцы прищурился. «Похоже, парня задели за живое. Тем лучше», — подумал он и небрежно бросил:

— На самом деле, единственный лишний здесь человек — это вы. Не находите, директор Хо?

Чэнь Сяня внезапно осенило: так вот он какой, Хо Хэн. За годы работы в шоу-бизнесе он немало наслушался о хитросплетениях в мире больших денег. О вражде семей Линь и Хо не знал только ленивый, и даже его, простого певца, умудрилось затянуть в этот водоворот.

Кинокомпании Линь Суе частенько заказывали у него саундтреки, предлагая более чем щедрые гонорары, но каждый раз, когда дело доходило до подписания контракта, внезапно вмешивалась развлекательная империя семьи Хо, и сделка срывалась.

«Ого», — Чэнь Сянь почувствовал, как по спине пробежал холодок. Неужели его догадки верны, и вся эта корпоративная война — лишь следствие неразделенной любви?

«Так, стоп».

Учитель Чэнь мысленно потрянул головой, отгоняя сюжеты третьесортных драм. К чему эти глупости.

Хо Хэн тем временем, кипя от ярости, перевел взгляд с вызывающей физиономии Шэнь Хуэйцы на Сюй Сяннаня.

— И этот желторотый юнец — предел твоих мечтаний? — процедил он и, не дожидаясь ответа, резко повернулся к Чэнь Сяню: — А этот? В его-то годы... Ты вообще...

Чэнь Сянь, пребывавший в самом расцвете своих тридцати лет, лишь недоуменно приподнял бровь.

Сюй Сяннань, чья интуиция была на высоте, мгновенно сориентировался. Он расплылся в дерзкой, почтительной улыбке:

— Даже если и так, вам всё равно ничего не светит.

Слишком молодой Сюй Сяннань, его нарочито вежливое «вам» и эта издевательская мина подействовали на Хо Хэна как красная тряпка на быка.

Он развернулся и пулей вылетел из кабинета. Раз Линь Суре утверждает, что он никто, — что ж, Хо Хэн найдет тысячи способов заставить его запомнить это имя навсегда. Так, чтобы он больше никогда не посмел его забыть.

Линь Суре не придавал этой выходке значения: за долгие годы он привык к подобным вспышкам. Поскольку время было позднее, он как хозяин предложил развезти всех по домам.

— Не стоит беспокоиться, — отозвался Чэнь Сянь. — За мной уже едет ассистент. Завтра рано утром нужно быть в другом городе на записи.

Он твердо решил больше не ввязываться в этот любовный винегрет, где «он любит его, а тот любит другого, но этот ненавидит всех еще сильнее».

Слишком утомительно.

— Заранее поздравляю нас с началом сотрудничества, директор Линь.

Остались только Шэнь Хуэйцы и Сюй Сяннань.

— Вы оба возвращаетесь в Циньвань? — уточнил Линь Сунь.

Сунь Сяннань закусил губу, в его взгляде читалось нежелание уходить.

— Мне тоже пора, — неохотно проговорил он. — Завтра съемки.

В последнее время он не снимался в кино, и по графику агентства его вовсю гоняли по различным шоу, так что в Циньване он сейчас не жил.

Напряжение, копившееся в душе Шэнь Хуэйцы весь вечер, лопнуло как проткнутый иголкой шарик. В его глазах вспыхнула радость — сама судьба была на его стороне.

Сунь Сяннань медлил у машины, явно не желая прощаться. Он осторожно потянул Линь Сунь за край пиджака:

— Братец Сяо Е, спасибо, что пришел посмотреть на мое выступление.

Его глаза подозрительно заблестели, а голос зазвучал непривычно искренне:

— Я так долго не выходил на сцену... Если честно, я очень нервничал. Правда... Огромное тебе спасибо.

В этот момент он так походил на ребенка, напрашивающегося на похвалу, что Линь Сунь даже не смутил его рост под метр девяносто.

— Не за что, — мягко ответил он. — И не нужно так переживать. Твои фанаты верят в тебя.

Сунь Сяннань поднял на него взгляд:

— А братец Сяо Е?

Шэнь Хуэйцы за спиной директора Линя едва не скрипнул зубами. Он с раздражением наступил на подвернувшийся под ногу камешек. «Да когда же он уже уберется?»

Линь Сунь на мгновение замер, а затем улыбнулся:

— Да. Я тоже верю.

Сунь Сяннань промолчал, лишь тихо шмыгнул носом. Медленно потянувшись вперед, он обхватил Линь Сунь за талию. Его голос дрогнул:

— ...Братец Сяо Е.

До того вечера, когда Линь Суе прокатил его на мотоцикле, Сюй Сяннань жил в постоянном страхе.

Та самая песня на бис во время финального концерта их группы была святыней для миллионов фанатов. В ней была заложена вся их любовь и боль расставания. И, если бы всё прошло гладко, она должна была прозвучать в последний раз.

Сюй Сяннань и представить не мог, что прямо на сцене случится непоправимое.

Стоило ему открыть рот, чтобы начать припев, как из микрофона вырвался жуткий скрежет. В зале началось волнение. Резкий, бьющий по ушам звук заполнил всё пространство, а затем микрофон в его руках окончательно замолк.

Это была техническая ошибка. Просто случайность. Но почему же она вызвала в его душе такой первобытный ужас? Сюй Сяннань стоял как вкопанный, его ладони мгновенно стали влажными, а лица зрителей внизу слились в причудливые, скалящиеся тени, готовые поглотить его.

С того самого дня он боялся брать в руки микрофон.

Он до смерти боялся, что над ним снова подшутят, а еще больше — той беспомощности, которую он ощутил на сцене перед тысячами глаз.

Почувствовав, как Сюй Сяннань дрожит, Линь Суе на миг растерялся, но тут же вспомнил слова фанаток на концерте. Он осторожно похлопал юношу по спине:

— Больше такого не повторится.

— ...Угу.

Зрачки Шэнь Хуэйцы сузились. Он резко отвернулся, не в силах на это смотреть.

Сюй Сяннань нехотя отстранился и, помахав на прощание, наконец ушел.

Проводив его взглядом, Линь Суе открыл дверцу машины и, лениво облокотившись на нее, кивнул:

— Поехали, учитель Шэнь.

— ...Иду, — Шэнь Хуэйцы был непривычно молчалив. Он сидел на пассажирском сиденье, не проронив ни слова, пока они не поравнялись с круглосуточной аптекой. — Сяо Е, притормози на минуту.

Линь Суе нажал на тормоз.

Актер быстро скрылся за дверями аптеки и вскоре вернулся с белым пластиковым пакетом. Положив его на заднее сиденье, он негромко произнес:

— У тебя слабый желудок, а сегодня ты ел слишком острое. Ночью может стать нехорошо, не забудь выпить лекарство.

Линь Суе крепче сжал руль. Он и подумать не мог, что ту случайную фразу, оброненную в Городе Гане, Шэнь Хуэйцы запомнит до сих пор.

— ...Спасибо.

Шэнь Хуэйцы внимательно посмотрел на него. В салоне царил полумрак, разбавляемый лишь неверным светом фар. Желтоватые блики падали на профиль Линь Суе, делая его похожим на изысканную скульптуру, где каждая линия была выверена до совершенства.

На концерте Шэнь Хуэйцы невольно подслушал разговор той девушки с Линь Суе, да и о прошлом Сюй Сяннаня он кое-что слышал, когда они пересекались на съемках. Он примерно понимал, почему Линь Суе не оттолкнул парня — скорее всего, просто пожалел.

«Я влюбился в очень хорошего человека», — подумал Шэнь Хуэйцы.

Человека, который четко видит грань между добром и злом, чьи жизненные принципы тверды как гранит, но чье сердце, несмотря на высокое положение, остается мягким.

Шэнь Хуэйцы, не отрываясь, смотрел на него.

— Почему ты такой хороший? — внезапно сорвалось с его губ. Настолько, что он начинал завидовать каждому, кому дозволено быть рядом.

— О чем ты опять? — Линь Суе искоса взглянул на него.

— Ни о чем, — Шэнь Хуэйцы отвел взгляд. Он и вправду ревновал его ко всем подряд. Линь Суе был как магнит, и было бы странно, если бы другие не тянулись к нему. Поэтому... Шэнь Хуэйцы сжал кулаки так сильно, что ногти больно впились в ладони. «Ничего страшного, — уговаривал он свое ноющее сердце, — сколько бы их ни было, это не имеет значения».

***

В этом месяце Линь Суе бывал в Циньване чаще, чем за всё время до этого. Привычным жестом он направил машину на парковку и плавно затормозил:

— Приехали.

— Может, зайдешь ненадолго? — вкрадчиво предложил Шэнь Хуэйцы. — Нуань-Нуань скучает.

Линь Суе замялся. После того как учитель Шэнь начал ежедневно присылать ему фотографии золотистого ретривера, у него и вправду чесались руки его погладить.

Заметив колебания молодого директора Линя, Шэнь Хуэйцы решил закрепить успех:

— Она правда тебя очень ждет.

Против этого аргумента устоять было невозможно. Нуань-Нуань росла в любви и заботе, она была невероятно красива, а ее глаза-бусинки могли растопить любое сердце.

— Это удобно?

— Конечно, — Шэнь Хуэйцы только этого и ждал.

Нуань-Нуань сразу узнала своего спасителя. Едва он вошел, она со всех лап бросилась к нему. Линь Суе присел и подхватил ее на руки, ласково потеревшись щекой о ее макушку:

— Давно не виделись, Нуань-Нуань, красавица ты моя.

Золотистый ретривер довольно заурчал, ткнувшись носом ему в шею.

— Она тебя просто обожает, — Шэнь Хуэйцы смотрел на них, сидящих на ковре, и в его груди разливалось странное, щемящее тепло. — Тебе воды или сока?

Он на секунду задумался:

— А может, молока? Оно поможет успокоить желудок после острого.

Линь Суе согласно кивнул. Шэнь Хуэйцы достал сотейник, подогрел молоко до комфортной температуры и протянул стакан. Линь Суе по привычке, даже не задумываясь, приклонил голову и сделал глоток прямо из его рук. В следующую секунду оба замерли. До Линь Суе

внезапно дошло, что перед ним не его брат Линь Суцзюнь. Он поперхнулся и, резко отвернувшись, зашелся в кашле.

В старшей школе он разрывался между учебой и делами компании, порой забывая даже глоток воды сделать. Тогда Линь Суцзюнь каждый вечер готовил ему успокаивающий отвар, но Линь Суе в пылу работы о нем забывал. Тогда брат перестал оставлять чашку на столе — он сам подносил ее к его губам и не отпускал, пока не убеждался, что Линь Суе всё выпил.

Прошло много лет, Линь Суцзюнь давно так не делал, но эта привычка намертво въелась в подсознание. Поэтому, когда Шэнь Хуэйцы поднес стакан к его лицу, Линь Суе послушно склонился, следуя мышечной памяти.

Он кашлял так сильно, что лицо пошло красными пятнами. Шэнь Хуэйцы приобнял его, осторожно похлопывая по спине:

— Всё в порядке? Не торопись.

Линь Суе с трудом махнул рукой:

— Нормально.

Немного отдышавшись, он добавил:

— Извини.

Шэнь Хуэйцы опустил взгляд. Человек в его руках всё еще мелко дрожал, а в уголках глаз от кашля выступили слезинки. Сердце актера сжалось от нежности, смешанной с острой болью. Он и не подозревал, что может так сильно любить. Настолько, что даже обычный кашель Линь Суе вызывал у него физическую боль.

Он осторожно смахнул влагу с его ресниц и мягко спросил:

— Стало легче?

Линь Суе кивнул. Ему было невыносимо стыдно; он притянул к себе Нуань-Нуань и, уткнувшись лицом в ее мягкую шерсть, замер как страус, прячущий голову в песок.

Шэнь Хуэйцы какое-то время смотрел на его обнаженную шею. Кончики пальцев закололо, и он не удержался — коснулся его кожи.

— Ты чего?

«Страус» шевельнулся и, не выпуская собаку, приоткрыл один глаз.

Он не отстранился.

Эта мысль наполнила душу Шэнь Хуэйцы ликованием. Он вспомнил их первую встречу, когда Линь Суне напоминал ошестинившегося ежа, и невольно подумал: неужели тот наконец-то к нему привык? Или просто остался доволен его сегодняшней заботой?

— Ничего, — он помедлил. — Будешь еще молоко?

Линь Суне, не оборачиваясь, медленно протянул руку назад:

— ...Я сам.

Шэнь Хуэйцы с улыбкой вложил стакан в его ладонь.

Пока Линь Суне возился с Нуань-Нуань, Шэнь Хуэйцы не стал ему мешать и, устроившись на диване, углубился в изучение сценария.

Когда он наконец оторвал взгляд от текста, на ковре воцарилась тишина.

Линь Суне уснул, обняв собаку и привалившись спиной к кровати.

Мягкий оранжевый свет лампы окутывал их, создавая атмосферу уютного тепла. Войдя в дом, Линь Суне снял пиджак, оставшись в тонком джемпере, мягкая ткань которого собралась складками на талии. Нуань-Нуань лежала у него на коленях, лениво повиливая хвостом.

В памяти Шэнь Хуэйцы всплыли кадры из сериалов — те самые сцены, рисующие идеальный образ дома. Он много раз играл подобное: и любимого сына, и заботливого брата. В кино он проживал чужие жизни, пытаясь вообразить, что такое тепло и нежность — чувства, которых он никогда не знал в семье Шэнь.

Но Шэнь Хуэйцы прекрасно понимал: это лишь ворованные мгновения. Стоит режиссеру крикнуть «Снято!», как всё рассыплется в прах.

Но сейчас, в эту самую минуту, ему казалось, что он действительно обрел нечто свое.

Шэнь Хуэйцы бесшумно подошел ближе. Нуань-Нуань подняла голову, и они какое-то время смотрели друг на друга. Наконец актер приложил палец к губам:

— Тсс.

Собака тихонько заскулила и послушно уткнулась носом в колени Линь Суе.

Шэнь Хуэйцы сел рядом. Он бережно поправил прядь волос, упавшую на лицо Линь Суе. Спящий выглядел совершенно беззащитным: ровное дыхание, длинные ресницы, чуть подрагивающие крылья носа. В этом сне он казался удивительно кротким.

— Сяо Е, — прошептал Шэнь Хуэйцы. — Сейчас я тебя обниму. Если ты не проснешься, буду считать, что ты согласен.

Его голос был тише шелеста бумаги, спящий даже не шелохнулся.

Дыхание Шэнь Хуэйцы стало тяжелым, в горле пересохло. Воздух вокруг словно раскалился, превратившись в знойную пустыню, и он, как безумный, жаждал хотя бы глотка живительной влаги. Опершись рукой о пол, он придвинулся ближе, улавливая едва заметный аромат кедрового парфюма.

— Сяо Е, — позвал он снова. — Считаю до трех... Если не шевельнешься, я тебя обниму.

— Три...

— Два...

«Один» так и не прозвучало — оно потонуло в движении.

Он, слегка дрожа, обхватил спящего за талию. Сначала он боялся сжать руки слишком сильно, но сердце колотилось всё быстрее, и он притянул Линь Суе к себе, пока его грудь не прижалась к его спине, не оставив между ними ни единого дюйма пространства.

Шэнь Хуэйцы уткнулся лицом в изгиб его шеи. Он не хотел, чтобы всё было так — он мечтал стоять рядом с ним открыто, как его возлюбленный. Иметь право держать его за руку, обнимать и целовать на глазах у всех.

Но жажда близости, точно паразит, капля за каплей выпивала его рассудок.

В тот момент, когда он увидел, как Сюй Сянань обнимает его, он едва не сошел с ума.

Он пытался убедить себя, что это лишь доброта Линь Суе, его минутная слабость. Он твердил себе, что всё в порядке, что Линь Суе волен делать что хочет, ведь он свободный человек.

Но это не помогало.

Он завидовал, он ревновал, он злился. Даже зная, что Линь Суе ничего не чувствует к Сюй Сяннаню, он был готов рвать и метать.

Он прекрасно понимал, что Линь Суе невозможно не любить, и пытался смириться с этим. Но каждый раз, видя в чужих глазах хотя бы тень интереса к нему, он чувствовал горечь и панический страх.

Он прятал эти чувства за шутливыми фразами, прикрываясь словами о «контрактах», «содержании» и «очереди».

— Сяо Е, — его голос, едва слышный, растворился в ночной тишине. — Позволь мне пройти без очереди, а?

— Сяо Е, Сяо Е...

Шэнь Хуэйцы низко склонил голову, его дыхание сбилось.

— Пожалуйста, полюби меня.

— Обещаю, я буду самым лучшим, — он говорил тихо и нараспев, словно нашептывал сказку. — Я буду каждое утро греть тебе молоко, чистить креветок, заботиться о тебе.

— Буду будить тебя по утрам и баюкать по вечерам.

— Поеду с тобой куда угодно, куплю тебе столько одежды, сколько захочешь, буду наряжать тебя как принца.

— Стоит тебе только попросить — и я сделаю невозможное.

— Клянусь, я никогда не дам тебя в обиду, не позволю пролить ни единой слезинки, — он осторожно накрыл своей ладонью руку Линь Суе, лежащую на собаке. — Я сделаю каждый твой день праздником, наполню твою жизнь счастьем.

— Я подарю тебе столько любви, что тебе не растратить ее и за целую вечность.

Он приподнял голову, его губы оказались у самого уголка рта Линь Суе. Их дыхание переплелось. Опаляющее, влажное прикосновение замерло в миллиметре от его губ, а затем медленно скользнуло выше. Шэнь Хуэйцы благоговейно и нежно поцеловал самый кончик его левого уха.

Левое ухо — ближе всего к сердцу. Шэнь Хуэйцы прижался губами к его ушной раковине,

словно пытаюсь излить всю ту любовь, которой не находилось места, прямо в его душу, чтобы сердце Линь Суне наконец-то его услышало.

Он искренне, всем существом своим просил:

— Сяо Е, Сяо Е... пожалуйста, полюби меня.

<http://bllate.org/book/16112/1585663>